

ВЕРБАЛИЗАЦИЯ СУБЪЕКТА В АКАДЕМИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

© 2015

О.А. Крапивкина, кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры «Иностранные языки»
Иркутский национальный исследовательский технический университет, Иркутск (Россия)

Ключевые слова: академический дискурс; языковые средства; дискурсивная роль субъекта дискурса; вербализация субъекта дискурса.

Аннотация: В статье рассматриваются языковые единицы, участвующие в репрезентации автора на материале текстов сорока научных статей по направлению «Гуманитарные науки», опубликованных в англоязычных и русскоязычных журналах, объемом десять-двенадцать тысяч слов каждая. В работе выделяются три дискурсивные роли субъекта академического дискурса, репрезентированные с помощью различных языковых единиц: субъект-исследователь, субъект-аналитик, субъект-представитель. В статье представлен сравнительный анализ частоты использования языковых маркеров субъекта в англоязычных и русскоязычных научных текстах. В ходе исследования выявлено, что русскоязычные авторы предпочитают репрезентировать себя с помощью местоимений 1-го лица множественного числа, а также имплицировать свое присутствие в дискурсе в бессубъектных конструкциях. В англоязычном дискурсе нередко можно встретить субъекта, эксплицированного местоимениями 1-го лица единственного числа, но наиболее частотным маркером является имплицированный субъекта персонифицированный объект. Таким образом, тенденция скрыть свое присутствие, придав дискурсу объективный характер, свойственна и англоязычному, и русскоязычному академическим сообществам. В статье применяются методы количественного и качественного анализа языковых средств вербализации субъекта в научном дискурсе, а также компаративный анализ способов репрезентации субъекта в англоязычном и русскоязычном научном дискурсах. Исследование имеет практическую ценность для российских авторов, которые планируют публиковать свои научные работы в англоязычных журналах, поскольку следование конвенциям англоязычного академического сообщества предполагает выбор принятых в нем способов презентации в научных работах.

Академический дискурс представляет собой не только совокупность высказываний о результатах того или иного исследования. В нем обнаруживается авторская позиция, взгляды исследователя, попытки установления контакта с читательской аудиторией, обращение к научному сообществу. Данные цели реализуются с помощью различных языковых средств, которые субъект дискурса использует для своей вербализации: местоимений 1-го лица единственного и множественного числа, дескрипций, бессубъектных конструкций и конструкций с персонифицированным объектом [1].

Способы вербализации авторов академических текстов можно отнести к спорным вопросам, особенно разногласия вызывает необходимость употребления местоимения 1-го лица единственного числа для репрезентации автора научной статьи. Распространена точка зрения о том, что личные местоимения субъективизируют высказывания, ставят под сомнение их достоверность, лишают научности, отвлекают от анализа данных, смещая коммуникативный фокус высказывания на личность автора [2], в то время как бессубъектные конструкции позволяют продуцировать непредвзятые высказывания [3–6]. Другие исследователи полагают, что замена личных высказываний бессубъектным пассивом приводит к созданию громоздких синтаксических конструкций. Личные местоимения – способ вербализации степени участия субъекта в исследовании [7], ценная стратегия, позволяющая автору представить результаты более убедительными [8; 9], выразить свою точку зрения и организовывать дискурс [10], подчеркнуть личный исследовательский вклад, а также выразить солидарность с потенциальным читателем [11].

Проанализировав более сорока научных статей на английском и русском языках, мы пришли к выводу, что способы вербализации субъекта научного дискурса

варьируются от импликации субъекта с помощью бессубъектных конструкций до его экспликации прономиналами 1-го лица единственного числа.

Анализ фактического материала позволил нам выделить три дискурсивные роли субъекта: 1) субъект-исследователь, 2) субъект-аналитик, 3) субъект-представитель. *Субъект-исследователь* организует, структурирует дискурс, обращает внимание читателя на различные проблемы, затронутые в тексте, описывает этапы процесса исследования. *Субъект-аналитик* выражает мнения, подвергает критике позиции и теории других ученых. *Субъект-представитель* выступает от лица академического сообщества, иногда всего человечества в целом.

Данная классификация дискурсивных ролей субъекта в научном дискурсе основывается на таксономиях ролей автора, предложенных в работах Р. Танга [12], Д. Владимироу [13], М. Муноза [14], Н. Харвуда [15; 16], Р. Иванича [17], И. Васильевой [18] и др.

В ходе исследования мы обнаружили, что в англоязычных статьях авторы репрезентируют себя более эксплицитно, поскольку правила русскоязычного академического сообщества не позволяют открыто проявлять свое авторское Я. Эгоцентрический прономинал 1-го лица единственного числа был обнаружен только в англоязычных текстах, преимущественно во введении, где авторы выступают в роли исследователя, перечисляя те вопросы, которые будут рассматриваться в работе.

Прономинал 1-го лица множественного числа регулярно используется в статьях на обоих языках. Частота его употребления практически совпадает. Так, местоимение *we* было обнаружено во всех англоязычных статьях и в 80 % русскоязычных публикаций, в то время как количество англоязычных статей, содержащих местоимение *I*, – всего лишь 30 % от общего числа работ.

В русскоязычных статьях данное местоимение обнаружено не было.

Одинаково распространены в англоязычных и русскоязычных статьях бессубъектные конструкции, в то время как репрезентация субъекта с помощью дескрипций была обнаружена только в статьях на русском языке, а конструкции с персонифицированным неодушевленным объектом – только в англоязычных текстах.

Рассмотрим примеры вербализации субъекта с помощью указанных языковых единиц.

Прономинал 1-го лица единственного числа используется для вербализации:

1) *Субъекта-исследователя:*

In this paper, I will focus on bazaars in Berlin. However, as people and goods serve to connect places, I will include some details from Warsaw and Prague as well.

Автор сообщает читателю о предмете исследования.

2) *Субъекта-аналитика:*

I am convinced that the problem of translation is the central epistemological problem.

Местоимение *I* придает высказыванию ярко выраженный феноменологический характер. Предикат, следующий за местоимением, относит высказывание к разряду субъективных мнений.

Прономинал 1-го лица множественного лица используется для вербализации:

1) *Субъекта-исследователя:*

В рамках данной статьи мы ограничимся только двумя тенденциями – информационным и молодежным экстремизмом...

We would like to focus your attention on a new level meter design...

Субъект использует инклюзивное *мы* для привлечения внимания читателя к вопросам, которые будут рассмотрены в его работе.

2) *Субъекта-аналитика:*

Мы исходим из того, что ключевым показателем мифологического мышления является приписывание имени несвойственным объектам.

We consider them as one of the linguistic technologies.

Субъект использует эксклюзивное местоимение *мы*, отсылая к самому себе, чтобы смягчить субъективность высказывания.

3) *Субъекта-представителя:*

Своеобразная мода на термин «концепт» указывает на интерес к реконструкции тех сущностей в жизни человека, с которыми мы сталкиваемся в обыденной жизни.

To the extent that we believe the myth that judges «discover» the law, dissents simply represent rejected dead ends along that path of discovery.

С помощью нереферентного *мы* субъект выступает репрезентантом всего человечества в первом примере и юридического сообщества – во втором. В примерах проявляется интегративная семантика местоимения [19; 20]. Автор текста «признает» свое единство с референтной группой и ее ценностями.

Дескрипции как маркеры субъекта были обнаружены только в русскоязычных статьях для вербализации:

1) *Субъекта-исследователя:*

Ранее автором уже были предложены эффективные методы...

Субъект обращает внимание читателя на свои предыдущие работы.

2) *Субъекта-аналитика:*

Автор настоящей статьи все-таки придерживается мнения, что суд в настоящее время устанавливает процессуальную, формальную истину по делу.

Субъект выражает собственную точку зрения.

Бессубъектные конструкции использовались как имплицитные маркеры двух дискурсивных ролей:

1) *Субъекта-исследователя:*

При этом важно сделать следующее уточнение.

To be more specific, a convenience sampling procedure was used to select the six texts for this study.

Авторы привлекают внимание читателей к аспектам своего исследования.

2) *Субъекта-аналитика:*

Также очевидно, что по природе – это прототипическая оценка.

Were they to be considered market economies?

Субъект имплицитно представлен в данных высказываниях с целью придания им большей объективности.

Бессубъектные конструкции являются самым распространенным способом импликации присутствия субъекта в русскоязычном научном дискурсе и занимают второе место по частоте употребления в англоязычном.

Импликация субъекта путем персонификации неодушевленного объекта и приписывания ему действий живого существа была обнаружена только в англоязычных статьях:

This paper aims at giving a more detailed description and discussion of two concepts.

Субъект как автор дискурса скрывается за персонифицированным высказыванием, в котором роль субъекта-исследователя выполняет неодушевленный объект, наделенный человеческими свойствами.

В заключение еще раз выделим те языковые маркеры, которые используются для эксплицитной или имплицитной репрезентации субъекта в академическом дискурсе: местоимения 1-го лица, дескрипции, бессубъектные конструкции, конструкции с персонифицированным объектом. Данные единицы вербализуют три дискурсивные роли субъекта: исследователя, аналитика, представителя. Наиболее часто в русскоязычном дискурсе используются бессубъектные конструкции, помогающие субъекту имплицитировать свое присутствие, в то время как в англоязычных статьях первое место занимает персонифицированный объект. Выбор способов вербализации детерминирован как дискурсивной ролью, которую субъект реализует в дискурсе (для вербализации субъекта-представителя используется только местоимение 1-го лица множественного числа, в то время как другие дискурсивные роли вербализуются с помощью широкого диапазона языковых средств), так и его культурной принадлежностью, накладывающей отпечаток на конвенции научного сообщества.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Крапивкина О.А. О персонифицированном характере современного юридического дискурса // Вестник Иркутского государственного лингвистического университета. 2010. № 4. С. 27–34.

2. Крапивкина О.А. Субъект в юридическом дискурсе: лингвопрагматический анализ. Иркутск: Изд-во ИрГТУ, 2015. 158 с.
3. Арнольд И.В. Основы научных исследований в лингвистике. М.: Высш. шк., 1991. 140 с.
4. Болдырева А.А., Кашкин В.Б. Особенности выражения авторского «я» в научном дискурсе (на материале английских и русских письменных текстов) // Язык, коммуникация и социальная среда. 2002. № 2. С. 99–108.
5. Гнезdechko О.Н. Авторизация научного дискурса: коммуникативно-прагматический аспект (на материале англоязычных статей современных европейских и американских лингвистов) : автореф. дис. ... канд. филол. наук. Киев, 2005. 20 с.
6. Иванов В.В. Чет или нечет. Асимметрия мозга и знаковых систем. М.: Высш. шк., 1978. 285 с.
7. Bernard J.A. Tips for Academic Writing and Other Formal Writing. URL: homepages.inf.ed.ac.uk/jbednar/writingtips.html.
8. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles // English for Specific Purposes. 2001. № 20. P. 207–226.
9. Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing // Journal of Pragmatics. 2002. № 34. P. 109–112.
10. Cherry R.D. Ethos versus Persona: Self-representation in written discourse // Written Communication. 1998. № 15. P. 384–410.
11. Kuo C-H. The use of personal pronouns: Role relationships in scientific journal articles // English for Specific Purposes. 1999. № 18-2. P. 121–138.
12. Tang R. The 'I' identity: Exploring Writer Identity in Student Academic Writing Through the First Person Pronoun // English for Specific Purposes. 1999. № 18. P. 23–39.
13. Vladimirov D. Personal Reference in Linguistic Journal Articles // Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference in Linguistics and Language Teaching. 2006. № 1. P. 139–157.
14. Munoz M.C. The 'I' in Interaction: Authorial Presence in Academic Writing // Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. Journal of Pragmatics. 2013. № 8. P. 49–58.
15. Harwood N. We Do Not Seem to Have a Theory ... The Theory I Present Here Attempts to Fill This Gap: Inclusive and Exclusive Pronouns in Academic Writing // Applied Linguistics. 2005. Vol. 26. № 3. P. 343–375.
16. Harwood N. (In)appropriate Personal Pronoun Use in Political Science: A Qualitative Study and a Proposed Heuristic for Future Research // Written Communication. 2006. Vol. 23. № 4. P. 424–460.
17. Ivanič R. Writing and identity: The discursal construction of identity in academic writing. Amsterdam: Benjamins, 1998. 301 p.
18. Vassileva I. Who Am I / Who are We in Academic Writing? A Contrastive Analysis of Authorial Presence in English, German, French, Russian and Bulgarian // International Journal of Applied Linguistics. 1998. № 8-2. P. 163–190.
19. Krapivkina O. Pronominal choice in Academic Discourse // Middle East Journal of Scientific Research. 2014. № 20-7. P. 833–843.
20. Krapivkina O. Pragmatic Effects of First-Person Pronouns in Academic Discourse // European Journal of Social and Human Sciences. 2015. № 2. P. 22–27.

REFERENCES

1. Krapivkina O.A. On the personified mature of modern legal discourse. *Vestnik Irkutskogo gosudarstvennogo lingvisticheskogo universiteta*, 2010, no. 4, pp. 27–34.
2. Krapivkina O.A. *Subyekt v yuridicheskom diskurse: lingvopragmaticheskiy analiz* [Subject of the legal discourse: linguistic and pragmatic analysis]. Irkutsk, IrGTU Publ., 2015. 158 p.
3. Arnold I.V. *Osnovy nauchnykh issledovaniy v lingvistike* [Fundamentals of scientific research in linguistics]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1991. 140 p.
4. Boldyreva A.A., Kashkin V.B. Features of expression of the author's "I" in scientific discourse (based on English and Russian written texts). *Yazyk, kommunikatsii i sotsialnaya sreda*, 2002, no. 2, pp. 99–108.
5. Gnezdechko O.N. *Avtorizatsiya nauchnogo diskursa: kommunikativno-pragmaticheskiy aspekt (na materiale angloyazychnykh statey sovremennykh evropeyskikh i amerikanskikh lingvistov)*. Avtoref. diss. kand. filol. nauk [Authorization of scientific discourse: communicative and pragmatic aspect (based on English articles of modern European and American linguists)]. Kiev, 2005. 20 p.
6. Ivanov V.V. *Chet ili nechet. Asimetriya mozga i znakovykh sistem* [Odd or even. The asymmetry of the brain and sign systems]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 1978. 285 p.
7. Bernard J.A. *Tips for Academic Writing and Other Formal Writing*. URL: homepages.inf.ed.ac.uk/jbednar/writingtips.html.
8. Hyland K. Humble servants of the discipline? Self-mention in research articles. *English for Specific Purposes*, 2001, no. 20, pp. 207–226.
9. Hyland K. Authority and invisibility: Authorial identity in academic writing. *Journal of Pragmatics*, 2002, no. 34, pp. 109–112.
10. Cherry R.D. Ethos versus Persona: Self-representation in written discourse. *Written Communication*, 1998, no. 15, pp. 384–410.
11. Kuo C-H. The use of personal pronouns: Role relationships in scientific journal articles. *English for Specific Purposes*, 1999, no. 18-2, pp. 121–138.
12. Tang R. The 'I' identity: Exploring Writer Identity in Student Academic Writing Through the First Person Pronoun. *English for Specific Purposes*, 1999, no. 18, pp. 23–39.
13. Vladimirov D. Personal Reference in Linguistic Journal Articles. *Papers from the Lancaster University Postgraduate Conference in Linguistics and Language Teaching*, 2006, no. 1, pp. 139–157.
14. Munoz M.C. The 'I' in Interaction: Authorial Presence in Academic Writing. *Revista de Lingüística y Lenguas Aplicadas. Journal of Pragmatics*, 2013, no. 8, pp. 49–58.
15. Harwood N. We Do Not Seem to Have a Theory ... The Theory I Present Here Attempts to Fill This Gap: Inclusive and Exclusive Pronouns in Academic Writing. *Applied Linguistics*, 2005, vol. 26, no. 3, pp. 343–375.
16. Harwood N. (In)appropriate Personal Pronoun Use in Political Science: A Qualitative Study and a Proposed

- Heuristic for Future Research. *Written Communication*, 2006, vol. 23, no. 4, pp. 424–460.
17. Ivanič R. *Writing and identity: The discorsal construction of identity in academic writing*. Amsterdam, Benjamins, 1998. 301 p.
18. Vassileva I. Who Am I / Who are We in Academic Writing? A Contrastive Analysis of Authorial Presence in English, German, French, Russian and Bulgarian. *International Journal of Applied Linguistics*, 1998, no. 8-2, pp. 163–190.
19. Krapivkina O. Pronominal choice in Academic Discourse. *Middle East Journal of Scientific Research*, 2014, no. 20-7, pp. 833–843.
20. Krapivkina O. Pragmatic Effects of First-Person Pronouns in Academic Discourse. *European Journal of Social and Human Sciences*, 2015, no. 2, pp. 22–27.

SUBJECT VERBALIZATION IN ACADEMIC DISCOURSE

© 2015

O.A. Krapivkina, PhD (Philology), Associate Professor, assistant professor of Foreign Languages Department
Irkutsk National Research Technical University, Irkutsk (Russia)

Keywords: academic discourse; linguistic units; subject discourse role; subject verbalization.

Abstract: The paper researches linguistic units used to verbalize the author in academic discourse. It is a case study of 40 academic papers (10,000–12,000 words in each) in Humanities published in English- and Russian-language journals. The paper distinguishes between three discourse roles of the speaking subject in academic discourse: a researcher, an opinion-holder, and a representative. The paper also compares the frequency with which the linguistic units are used to represent the subject in English and Russian texts. The analysis shows that the Russian authors prefer representing their roles with the first-person plural pronoun as well as implying themselves in subjectless constructions. In English papers, the subject can be verbalized with the first-person singular pronoun, but the most frequent marker is the personified point of view construction. We conclude that the implication of the speaking subject in order to give objective tone to the discourse is typical of both English and Russian papers. The article applies quantitative and qualitative methods, and a comparative analysis. The research is of practical value for the Russian authors who should adhere to all the standards of the English-speaking academic community when preparing their papers for English-language journals.